

**РОЛЬ ТЕКСТОВЫХ ПОЗИЦИЙ
«ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ НАПОЛНЕННОСТИ»
В РАСКРЫТИИ ГЛУБИННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ»
Н. М. КАРАМЗИНА**

О. Н. Краснова

Ключевые слова: глубинные художественно-психологические свойства, «экзистенциальная наполненность», повествователь, смыслопорождение, текстовые связи, имплицитный смысл.

Keywords: deep artistic and psychological properties, «existential profuseness», narrator, meaning generation, text connections, implicit meaning.

DOI 10.14258/filichel(2022)4-12

Проблемы субъективных состояний человека в настоящий момент интенсивно изучаются науками гуманитарного круга, в частности, на их стыке: когнитивным литературоведением, лингвокогнитивистикой, лингвокультурологией, психосемантикой, психолингвистикой (В. И. Шаховский, Н. А. Красавский, С. А. Аскольдов, Ю. Д. Тильман, И. И. Чесноков, В. И. Карасик, Е. С. Бульбенко, А. П. Бабушкин, В. В. Колесов, Ю. С. Степанов, В. А. Пищальникова, Л. В. Миллер, В. С. Мельникова, И. А. Тарасова, А. А. Залевская). В названных аспектах анализируются и художественно-психологические состояния героев произведений классической литературы.

Особое место в исследованиях состояний занимает разработка понятия «экзистенциальная наполненность». Аристотель определяет его как «счастье — совершенное благо и цель», [Аристотель, 1983, с. 301], К. Ясперс — «возвышенное до подлинной человеческой сущности бытие», «высокий импульс» перед лицом разрушения [Ясперс], А. Ф. Лосев — «моральная и космическая красота» [Лосев, 2000, с. 164].

Рефлексия данного понятия получила отражение в философии (П. Тиллих, М. Шелер, Г. Марсель), экзистенциальной психологии (В. Франк, Р. Мэй, С. Мадди), современной психологии (Д. А. Леонтьев, С. А. Богомаз, Т. Е. Левицкая, С. В. Кривцова, А. С. Баранников, Г. А. Пе-

трова, И.А. Ларина, И.Н. Майнина, Г. Веннингер, А. Лэнгле, Ф. Шефил, М. Кунди, Г. Гуттманн, П. Бекер, А. Гомез, Р. Галлер, М. Вейс, Дж. Шелленбахер, Э. Вурст).

В предпринятом исследовании мы будем опираться на определения «экзистенциальной наполненности», данные М.М. Бахтиным и А. Лэнгле. У М.М. Бахтина «экзистенциальная наполненность» — это состояние «только я единственный во всем бытии я-для-себя и все остальные *другие-для-меня* — вот положение, вне которого для меня ничего ценностного нет и быть не может <...> с этого началось и вечно начинается какое бы то ни было событие для меня» [Бахтин, 1986, с. 120–121]. В описании А. Лэнгле «экзистенциальная наполненность» — это состояние «оставаться у самого себя», «в глубокой внутренней реальности, которая никогда не может быть исчерпана до конца <...> с установкой открытости по отношению к себе — своим чувствам, мыслям, страхам и радостям, своей тоске и своей боли во внутреннем созвучии с Собственным» [Лэнгле, 2005, с. 61].

Наше междисциплинарное исследование рассматривает художественный текст как область стыка литературоведения, теории текста, психологии, лингвистики, что связано с целями: выделение, анализ, систематизация текстовых связей (знаков текста) с глубинными художественно-психологическими свойствами образа повествователя (его экзистенциальными характеристиками), а также описание процесса художественно-психологического смыслопорождения, сопряженного с глубинными чертами и выраженного через текстовые связи. Поэтому мы, опираясь на приведенные определения М.М. Бахтина и А. Лэнгле, выделяем в качестве необходимого аспекта анализа текста позиции «экзистенциальной наполненности».

В данной статье мы рассмотрим находящиеся в означенных позициях повести Н.М. Карамзина ключевые слова «душа», «сердце», «приятный», «чистый», «радостный» и ключевые понятия «задумчивость», «мрачный», а также наиболее информативные для условий позиции «экзистенциальной наполненности» текстовые связи в следующих аспектах: художественно-психологических характеристик персонажа, архитектоники повести, мотивном, структурно-семантическом. Кроме того, определим текстовые знаки, организующие читательское внимание и привлекающие его к характеристикам глубинных художественно-психологических свойств персонажей.

Повесть открывает позиция «экзистенциальной наполненности» повествователя, вводящая читателя в художественный мир «Бедной Лизы»: «*Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрест-*

ностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам» (Николай Карамзин, 1984, т. 1, с. 506)³¹.

Начальная фраза содержит описание движения взгляда повествователя, переходящего от Москвы к ее окрестностям, полю, постепенно «расширяясь» и «группируя» «луга и рощи», «холмы и равнины». Взгляд «физический», семантически «пульсируя», приобретает свойства взгляда ментального, объединяющего рефлекслируемое пространство с саморефлексией. Этот процесс оформляют семантические конкретизаторы «без плана, без цели», связанные с дигитальной модальностью, что эстетически выделяет их на фоне контекстуальных кинестетической и визуальной модальностей. Названные конкретизаторы имеют формальное значение отрицания, но контекстуально транспонируют значение не только смягчения признака, но также приращение «имплицитного смысла» [Ермакова, 2010] о непроговариваемом плане — цели наблюдения и размышления. Таким образом, ментально-аналитический и феноменологически целостный аспекты восприятия описываемого повествователем соединяются в его субъективном состоянии, приобретающем амбивалентно-парадоксальные черты.

В таком контексте появляются ключевое слово «приятный» и ключевое понятие «мрачный»: «... Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря» (с. 506). Амбивалентность маркируется контрастным сочетанием характеризующего предиката «приятнее», выступающим в качестве семантического ядра, и связанного с ним словосочетания «мрачные, готические башни». Ключевое понятие, выраженное словом «мрачный», имеющим переносное значение «исполненный печали, наводящий грусть, безрадостный, угрюмый», семантически «пульсируя» в контексте, актуализирует также прямое значение — «темный, погруженный во мрак» (ведь рассказчик совершал прогулки и в вечернее время) [Словарь русского языка. Т. 2, с. 307].

Ключевое слово «приятный», аналогично словоупотреблению в предыдущей фразе «*Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты*», употребляется в значении «привлекательный, вызывающий симпатию» [Словарь русского языка. Т. 3, с. 461]. Таким образом, видим, что контрастное сочетание «... всего приятнее для меня ... мрачные, готические башни» содержит художественно-психологиче-

³¹ Здесь и далее ссылки на произведение Н. М. Карамзина даются по источнику: Карамзин Н. М. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. Л., 1984.

ский парадокс. Разрешается он в рамках позиции «экзистенциальной наполненности». Интенсивность переживаний повествователя выражается формой суперлатива «всего приятнее», что, с одной стороны, контекстуально подчеркивает разнонаправленность эмоций повествователя и создает эффект насыщенности переживаний. Такое «несовпадение с самим собою» М. М. Бахтин [Бахтин, 1986, с. 152] полагал необходимым для достижения подлинности жизни. С другой стороны, этимологически слово «приятный» происходит от церковнославянского «приятъ» в значении «взять, получить, принять» [Фасмер, 1987, с. 369–370], и семантико-эстетическая близость «башен Си...нова монастыря» актуализирует также этот аспект значения. Таким образом, «приятные» впечатления от монастыря повествователь «принимает», делает их своими, «берет» близко к «сердцу», несмотря на «мрачность». Таковы его впечатления — воспоминания о драматичной истории монастыря и России, о *«плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы»* и ее матери.

Итак, в условиях позиции «экзистенциальной наполненности» эмоционально-когнитивная разнонаправленность повествователя, отраженная в противоречивых по форме утверждениях, приобретает единство, проявляя через текстовую связь значимости — интенсивности переживания повествователя его глубинную художественно-психологическую установку на сопереживание родной стране и людям.

Важным для исследования глубинных художественно-психологических свойств персонажа является ключевое понятие «задумчивость», которое можно рассматривать в качестве текстового ориентира, обозначающего базовые сюжетные художественно-психологические этапы жизни Лизы. В повести названное понятие употребляется лишь два раза: в контексте зарождения любовного чувства и перед самоубийством героини. Ситуация «экзистенциальной наполненности» имеет место в обоих случаях, причем первый тяготеет к «полюсу счастья», где есть ощущение гармонии жизни, наполненной глубокими чувствами: *«До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу»* (с. 511).

В сочетании с ключевыми словами «душа», «сердце» возникает эффект эмоционально-когнитивного сгущения, по словам Г. А. Гуковско-го, «внушающего впечатления о душе человека» [Гуковский, 1999, с. 442], когда художественно-психологические характеристики героини находятся в сосредоточенном на внутренних переживаниях единстве, «ведущем» к глубинным мотивам, раскрывающим внутренний мир Лизы.

Это единство выстраивается текстовой связью «время», представленной разными ракурсами взгляда повествователя, раскрывающимися последовательно. Во-первых, это обзор прошедшего периода жизни героини («до сего времени»), во-вторых, обозначение ритма времени и действия героини совместно с природой, птичками («просыпаясь вместе с птичками»). Третий ракурс представляет во времени эмоциональную связанность героини с другими, ее включенность в общее чувство («ты вместе с ними веселилась утром»).

В компаративной конструкции «чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной» в рамках текстовой связи «время», выраженной в позитивном члене, как и во всем анализируемом фрагменте, формой прошедшего времени глагола, происходит переход в настоящее время в компаративном компоненте. Процесс данного перехода является маркером читательского внимания.

Позитивный член конструкции представляет собой описание простых и в то же время возвышенных чувств героини. Через ключевое слово «душа», являющееся модулем сравнения, вводится компаративный компонент, где присутствуют маркеры высоты: «солнце», «небесная роса». Нужно также отметить дополнительный смыслообразующий «мостик», соединяющий части компаративной конструкции: это ключевые слова «чистая», «радостная», выполняющие функцию атрибутов модуля сравнения «душа», семантически соотносящиеся с компаративным компонентом и сообщающие ему «человеческие» оттенки значения.

Подготовленное таким образом, читательское внимание приводит к основному смысловому слою, связанному с символикой компаративного компонента, субъектом которого является слово «солнце». Согласно словарю символов [Трессидер, 1999], это — любовь, главное чувство для героини. Учитывая, что в православии солнце является символом Христа, а небесная роса — дара Святого духа [Райкен, Уилхойт, Лонгман, 2005], проясняется сложно построенная художественно-психологическая связь образов Лизы и повествователя, когда через состояние героини, открывающее ее глубинный мотив, обнаруживается генерализация повествователя — его убеждение в божественной сущности любви.

Если в описанной компаративной конструкции любовь Лизы — это любовь к миру и ко всем в мире, то в примыкающем предложении «но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу» любовь героини «кристаллизуется», обретая «нового гостя души». Текстовая связь «время», выраженная сочетанием противительного союза «но» с обстоятельством «теперь», обозначает начало нового перио-

да жизни Лизы. Введенное таким образом ключевое понятие «задумчивость» оказывается связанным с концентрацией на переживаемых героиней в данный момент внутренних изменениях, что художественно-психологически отъединяет Лизу от природы (мира) и оставляет ее наедине с «сердцем» (вместилищем любви), которому оказывается чужда «радость природы». Но одновременно «задумчивость», семантически «пульсируя», через актуализированную в контексте синонимию «задумчива — радость... чужда» выстраивает художественно-психологическую связь «тревожное предчувствие».

Названная особенность связывает обе ситуации появления ключевого понятия «задумчивость», включенного в контекст различных реализаций позиции «экзистенциальной наполненности», соответствующих противоположным полюсам жизненных ситуаций и «предельных переживаний» («пиков») [Франкл, 1990, с. 60].

Появлению ключевого понятия «задумчивость» перед самоубийством героини предшествует описание различных стадий ее художественно-психологического состояния. Во-первых, это экзистенциальная пустота после предательства любимого: «Мне нельзя жить, — думала Лиза, — нельзя!..» (с. 517). Далее — отчаяние и желание внешнего разрешения ситуации пустоты: «О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» (с. 517). Следующей стадией является столкновение с материальным свидетельством недавней «экзистенциальной наполненности»: «Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тенью древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов» (с. 517) (позитивный эмоциональный «пик» прошлого в новом эмоционально-негативном контексте). Как следствие — углубление отчаяния героини: «Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее» (с. 517) (негативный эмоциональный «пик»).

В контексте следующей стадии состояния Лизы появляется ключевое понятие «задумчивость»: «Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость» (с. 517). Данное понятие является смыслообразующим в отношении исхода судьбы Лизы, выполняя функцию дальнейшей оценки ею ситуации и формирования-проверки собственных намерений («кристаллизация»).

После стадии «задумчивости» действия героини приобретают целенаправленность: «осмотрелась вокруг себя» — направленный поиск выхода; «увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, — кликнула ее, вынула из кармана десять импе-

риалов и, подавая ей, сказала...» (с. 517-518) — реализация сформировавшихся намерений.

Далее наступает последний этап жизни Лизы, когда «экзистенциальная наполненность» достигает высокой концентрации, героиня испытывает глубокие чувства не только к Эрасту, но и к матери, а через свои предсмертные распоряжения «любезной подружке» — ко всему миру. На пороге саморазрушения Лиза проживает «настоящую жизнь, полную <...> собственных решений, какими бы они ни были» [Лэнгле, 2005, с. 10] и восстанавливает разрушенную отношениями с Эрастом собственную гармонию с миром (позитивный эмоциональный «пик» в контексте принятого решения).

Принятое в «задумчивости» собственное решение ощущается героиней как освобождение, что, с одной стороны, углубляет чувства, а с другой, придает речи Лизы спокойствие, благодаря которому ее распоряжения обладают художественно-психологической точностью и в то же время четкостью. Героиня, говоря о том, что деньги, переданные матери, «не краденые», осуществляет свою всегдашнюю заботу о ней — и материальную, и духовную. Не открывает имя «жестокое человека», так как стремится психологически защитить мать, которая считала, что Эраст «хорош и добр». Двоекратно просит прощения у матери: за себя — «*что таила от нее любовь свою*» вопреки традиционной для их семьи открытости друг с другом; и, признаваясь, «*что он изменил мне*», — за Эраста и за свое решение уйти из жизни.

Свои распоряжения, которые начинались как «материальные», Лиза заканчивает «духовным» пожеланием — надеждой, вновь связанным с матерью: «*Бог будет ее помощником*» (с. 519). Завершается позиция «экзистенциальной наполненности» троекратным христианским целованием: подружкой Анютой — руки матери; Лизой — руки Анюты; словами «*что бедная Лиза велела поцеловать ее*» <мать>.

На грани саморазрушения Лизы ее ценностно взаимосвязанное с другими бытие достигает пика гармонии и моральной красоты, открывая глубинные ценностные убеждения героини: нельзя жить не только без любви, но и без доверия, душевного равновесия, чистой совести.

С позицией «экзистенциальной наполненности» связан текстовый фрагмент: «*Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!*» (с. 519), эксплицирующий созвучие ценностных убеждений повествователя и героини. Однако с точки зрения содержательного аспекта их мировоззрения построены на различных представлениях о закономерностях сферы взаимоотношений людей: Лиза в своем стихийном наивном

мировоззрению до определенного времени не может себе представить возможность предательства, отсюда такая ее художественно-психологическая хрупкость («нежная Лиза»). Повествователь же осознает сложные аспекты мотивов человеческого поведения и закономерности жизни общества. Тем не менее, он рассматривает как важную подсистему в собственном мировоззрении цельность и моральную чистоту — те качества, которые воплощает Лиза. Поэтому повествователь убежден, что в «*новой жизни*» узнает ее.

Вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы.

Позиция «экзистенциальной наполненности» в ее различных проявлениях («полюса» и «пики» жизненных ситуаций и состояний, «кристаллизация», парадоксальность чувств и суждений) является значимой для установления глубинных художественно-психологических свойств повествователя.

Эмоционально-когнитивная разнонаправленность повествователя, отраженная в противоречивых по форме утверждениях, в условиях позиции «экзистенциальной наполненности» приобретает единство, обусловленное глубиной художественно-психологической составляющей.

В условиях позиции «экзистенциальной наполненности» раскрывается сложно построенная художественно-психологическая связь образов Лизы и повествователя: через состояние героини, открывающее ее глубинные мотивы, ценностные убеждения, обнаруживаются установки и мировоззренческие обобщения (генерализации) повествователя.

Наиболее информативными для условий позиции «экзистенциальной наполненности» являются следующие текстовые связи: в аспекте художественно-психологических характеристик персонажа — «значимость / интенсивность переживания», «единство внутренних переживаний»; в аспекте архитектоники повести — комментарии повествователя; в мотивном аспекте — «время» как комплекс различных ракурсов взгляда повествователя; в структурно-семантическом аспекте — контекстуальное функционирование ключевых слов и ключевых понятий (ключевые слова в качестве членов компаративной конструкции, модуля сравнения, атрибутов, актуализированная в контексте синонимия ключевых понятий).

Текстовыми знаками, организующими читательское внимание и привлекающими его к характеристикам глубинных художественно-психологических свойств персонажей, являются выделение модальности, контекстуальный сдвиг значения с приращением имплицитного смысла, изменение грамматической категории времени глагола в соответствии с художественно-психологическим текстовым временем.

Высокими смыслообразующими возможностями в аспекте раскрытия художественно-психологических характеристик персонажа обладает ситуация «экзистенциальной наполненности», носящая стадийный характер, содержащая описание процесса принятия решения («кристаллизации»), а также насыщенная позитивными и негативными эмоциональными «пиками», в частности, находящимися в непосредственном соседстве.

Ключевые слова и ключевые понятия контекстуально организуют текстовые связи, участвуя в процессах художественно-психологического смыслопорождения, эмоционально-когнитивного сгущения, выполняющая функцию текстового ориентира.

Библиографический список

- Аристотель. Большая этика. Сочинения в 4 т. М., 1983. Т. 4.
- Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1999.
- Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте: дис. ... докт. филолог. наук. Саратов, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/implitsitnost-v-hudozhestvennom-tekste>.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. М., 2000. Т. 4.
- Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М., 2005.
- Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. Словарь библейских образов. СПб, 2005. URL: <https://azbyka.ru/otchnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/>.
- Словарь русского языка. В 4 т. М., 1985-1988.
- Трессидер Д. Словарь символов. М., 1999. URL: <https://booksee.org/book/632945>.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1987. Т. 3.
- Франк В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Ясперс К. Духовная ситуация времени. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=102788&pg=1>.

Источник

Карамзин Н. М. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Л., 1984.

References

- Aristotel'. *Bol'shaya etika*. [Big ethics]. Vol. 4. Moscow, 1983.
- Bahhtin M. M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti*. [Author and hero in aesthetic activity]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva*. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1986.

Gukovskij G.A. *Russkaya literatura XVIII v.* [Russian literature of the XVIII century]. Moscow, 1999.

Ermakova E. V. *Implicitnost' v hudozhestvennom tekste.* [Implicitness in a literary text]. Thesis of Philology. Doct. Diss. Saratov, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/implitsitnost-v-hudozhestvennom-ct.-tekste>.

Losev A. F. *Istoriya antichnoj estetiki.* [The history of ancient aesthetics]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, 2000.

Längle A. *Person. Jekzistencial'no-analiticheskaja teorija lichnosti.* [Person. Existential-analytical theory of personality]. Moscow, 2005.

Rajken L., Uilhojt D., Longman T. *Slovar' biblejskih obrazov.* [Dictionary of Biblical Images]. St. Petersburg, 2005. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/>.

Slovar' russkogo yazyka. [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Moscow, 1985–1988.

Tressider D. *Slovar' simvolov.* [Dictionary of symbols]. Moscow, 1999. URL: <https://booksee.org/book/632945>.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka.* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 3. Moscow, 1987.

Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla.* [A man in search of meaning]. Moscow, 1990.

Yaspers K. *Duhovnaya situaciya vremeni.* [The spiritual situation of the time]. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=102788&pg=1>.

Source

Karamzin N. M. *Sobraniye sochineniy.* [Coll. Works]. In 2 vols. Vol. 1. Leningrad, 1984.